

В старом кафтане с серебряными пуговицами ранним утром двадцать восьмого числа летнего месяца августа в крытую веранду корчмы «У дяди Сола» вошел префект вольной имперской деревни Вестонице (она же кастеллум Вестиа на императорском тракте Виа Аргентинка что в провинции Богемия) пан Нума Флавий Лонгин.

Более всего пан префект ненавидел состояние беспомощности, в которое погружаешься, когда имперский обоз уже близок, а с приготовленными по этому случаю законными налоговыми выплатами, и не очень законными, но несомненно нужными и приятными угощениями и дарами для имперских чиновников случилась беда.

Как обычно, ничто не предвещало подобного развития дел. Ну, кто мог подумать, что сосед, пан Венцеслав помрет, не дожив всего лишь года до девяностолетия, а его сыновья – старший Войцех и законный Бронислав вместо того, чтобы полюбовно разделить отцовское добро, сцепятся в лютой схватке в кутненском суде, добавляя головной боли тамошней юстиции во главе с претором, а также добавляя разбоя на Виа Аргентика. Потому, что зависимые крестьяне при отсутствии крепкой господской руки предпочли не корячиться на полях, а грабить проезжающих по тракту.

Естественно, глядя на эту ситуацию, нехорошо оживился пан Тит Корнелий Гортал, давний недруг префекта Нумы Флавия. Причина вражды была стара как мир: богатство. Дело в том, что покойный папаша пана Тита, пан Тит Старший, был охоч до разных финансовых авантур. Но не очень удачлив в этом деле, ибо угораздило его задолжать имперской казне полторы тысячи динариев. И в тот же год пан Нума, используя свои навыки, полученные при службе завхозом в Девяносто Первом Богемском легионе, примерно такую же сумму утаил от имперских чиновников. А риск того, что в скором времени чиновники возьмутся за обоих панов, был велик, как никогда. Так что дело было провернуто быстро и решительно: пан Тит продал часть своей земли – каменистый и непригодный для земледелия участок, а пан Нума отдал за это деньги, увеличив таким образом владения Государя Императора. Купчая была скреплена печатью с орлом и имела самую, что ни на есть, законную силу.

Этим бы и кончилось, если бы отдыхающий на каникулах в Вестонице пражский профессор – гном Станислав Каджинек Бржихачек за кружкой прекрасного местного пива не обмолвился пану префекту, что вот на этом самом участке может залежать серебро. Эта мысль показалась пану Нуме рациональной – окрестные места были богаты серебряными рудами, в Вестоницах даже ходили предания, что местная ведьма пани Анешка Колуш происходит из рода, несущего в себе кровь серебряного дракона и что часть местного серебра – как раз драконьи чешуйки, возможно обладающие магическими свойствами. Итак, пан профессор произвел изыскания и вправду нашел серебряную руду. Старый сапер Водичка, сослуживец пана префекта по Девяносто Первому легиону, заложил куда надо заряд, шарахнуло как следует – в образовавшейся пещере при дрожащем свете факелов мерцала серебряная жила, суля процветание и безоблачную жизнь всему населению вольной имперской деревни Вестонице.

Толи от звука взрыва, толи от новостей про находку серебра на проданном участке, пана Тита Старшего хватил удар. Его наследник, пан Тит Младший был вполне здоровьем крепок, разумом изворотлив и связями силен. В его ближайшие планы входило оспорить законность сделки и отсудить землю себе обратно: мол, участок продавался как земельные угодья, а не как рудник. Пока пан Тит Младший тайно вынашивал свои коварные планы, селяне принялись за освоение природных богатств. Когда работали рядом с поверхностью, методы старого сапера Водички приносили ожидаемые результаты, но стоило углубиться, как дело обернулось трагедией – троих незадачливых рудокопов завалило насмерть, а двоих покалечило так, что жрец местного храма Бахуса пан Марк (Марек) Нумерий Флакк сначала неделю лечил несчастных, вознося молитвы, а потом две недели пил, чтоб прийти в уравновешенное состояние духа. После такого на деревенском совете было решено нанять артель профессиональных горняков – крепких северных ребят из числа тех, кто поклоняется Тору и Одину. Благо жители суровых фьордов согласились брать часть платы местным пивом, которое пришлось им по вкусу. Собственно, пиво и хранилось в ближней части пещеры, где были наилучшие условия для низового брожения, столь любимого паном Марекком. Но недолга была радость селян, ибо почтмейстер Сервий Нумерий Флакк, родной брат пана Марека, прознал, что сношения пана Тита с кутненской юстицией стали активны, как никогда. Возможно по причине того, что имперским трибуном назначали университетского однокашника пана Тита. И догадаться, что затеял пан Тит уже стало несложно. Теперь любая оплошность со стороны жителей Вестонице была на руку этому негодяю. И если на Виа Аргентике разбойники ограбят какую-нибудь старуху, несшую

продавать в базарный день в Кутну Антику яйца или морковь, то вольной имперской деревне точно не сдобровать – все постарается обернуть в свою пользу коварный пан Тит.

И в довершении к этим ужасам вчера вечером обнаружилось, что все серебро, которое по причине наличия разбойного населения так и оставили в ближней пещере, а равно и все пиво (сорта будвайзер) хранившееся в той же пещере, неизвестным образом исчезли. Суровые северные рудокопы клялись Одним, что они ничего не брали и обещали следующим утром сходить в пещеру и провести дознание по мере своих сил. А привлечь к делу сельскую милицию не удавалось, т.к. пан Яромир Младек с brave ополченцами ловил разбойников вдоль всей Виа Аргентики, что между Визовицами и Будеевицами.

Так что причины для головной боли пана префекта были более, чем очевидны.

На веранде пана Нуму уже поджидали оба брата Нумерия – и жрец, и почтарь. После взаимных приветствий начал речь Сервий:

- Пан Тит, злодей такой, шлет письма мимо нас, да не подозревает, что у меня в Визовицах тоже свои люди имеются.

- И что говорят? – префект снял шляпу и отер потный лоб.

- А ничего хорошего. Как есть нынче имперским трибуном назначен Авл Антоний Лепид. Вот ему-то свои кляузы пан Тит и шлет. И прикладывать к ним не забывает, ясное дело.

- Это не имперский трубун, это мерзкий трибун, - отозвался пан Марек, заедающий горе кнедликами, - знаю этого типа с тех пор, когда еще в городской коллегии жрецов Бахуса служил. Тоже юстиции обучался вместе с паном Титом. Пьет, кстати, как не в себя.

- У нас есть шансы, если пиво спасем.

Тут как раз появилось и пиво, поданное плешивым колченогим корчемником Соломоном бен Лазэром, полуросликом-арендатором.

- Ну, что Сол, уже последнее разливаешь? – мрачно пошутил Сервий.

- Ой-вэй, такое горе! Это ж что с нами будет, если не расплатимся с обозом?

Вопрос дядьки Соломона был тяжел, как и дальнейшая судьба самого дядьки. Если расплатится с обозом сейчас не удастся, то можно было бы попросить отсрочку. И это бы выгорело, если б бывший имперский трибун Тиберий Клавдий Варрон не пошел на повышение в Прагу, а на его место не был бы назначен злополучный Авл Антоний Лепид.

- Как бы не попасть нам тогда в концессию к пану Титу. А там может и вовсе отхапает.

Такой поворот дел был плох для всех. И если коренные жители деревни теряли лишь свой статус граждан Империи, то дядя Сол мог и жизнь потерять – с точки зрения закона прав у корчемника было чуть больше, чем у бесхозных животных. До сих пор ходят леденящие кровь истории, про то, как во времена императора Нерона полуросликов травили львами на аренах под улюлюканье толпы босяков. Дорого стоит желание сохранить веру предков в Единого Праотца. Хоть для вида дядя Сол и его племянник Захария драили перед праздниками статую Геня Императора, истинное положение дел ни для кого секретом не было.

Невеселые думы были прерваны появлением Ингрид Тормунсдоттир Хемнэс, посланницы дварфов-рудокопов – среди них считается правильным отправлять на переговоры женщин, так как они лучше ладят с чужеземцами. Вид Ингрид имела мрачный, в руках её был сверток, тоже к веселью не располагающий – в кровавых пятнах и с торчащей сбоку костью.

- Приветсвую вас от своего народа и наших богов!

- Привет, Ингрид, - без энтузиазма ответил пан префект.

Захария, бедовый малый, племянш дяди Сола из Кутны Антики, пододвинул гостье стул и принялся отираться вокруг стола протирая углы тряпкой. В вестоницкую корчму от попал ровно после того случая, как пан легат Люций Аврелий Грахх крепко взялся за воровскую шайку Бенциона Крика, прозванного Королем. «Никаких королей, только Государь Император!» - сказал легат Люций Аврелий

Грах, и как сказал, так и сделал. Так что тетя Циля вовремя спровадила своего непутевого сына, связавшегося с ворьем к своему братцу в Вестонице. Перспектива лишиться пристанища, а то и попасть в лапы к правосудию Захарии не улыбалась.

- Прошу прощения за то, что вы сейчас увидите, но это относится к делу.

Ингрид развернула сверток, на столе оказалась задняя конечность неизвестного собравшимся существа.

- О, нога кобольда, кобольды – драконьи вши! – раздался голос от двери. В проеме стояла высокая фигура в характерной остроконечной шляпе. Префект оживился:

- Здравствуйте, пани Анешка! Не присоединитесь ли к нам, уж кто как не вы разбирается в таком вопросе!

Пани Анешка Колуш была признанным деревенским экспертам в делах, касающихся всякой нечисти и странности. Что и не мудрено – прадед по материнской линии был побратимом серебряного дракона. Тот дракон неудачно почесался о стену пещеры, засадив себе обломок сталактита промеж чешуй. А доблестному предку пани Анешки хватило храбрости и ловкости тот обломок вытащить. С тех пор потомки того рода часто обнаруживали у себя ведьминский дар.

- О как интересно! – пани Анешка была не из безразличных, - да это точно кобольд.

- И такого там много, все они раскиданы по большому залу основной ветки. А на кануне наши рабочие слышали стуки, как раз как бывает перед обвалом и потому эвакуировались.

- Простите, что вмешиваюсь – встрял Захария, ставя перед паном префектом полную кружку, - а пиво и серебро тогда были на месте?

- Да, разумеется. И запечатаны как полагается. А утром мы обнаружили дверь разломанной. В боковые ответвления заходить было страшно. А в основном проходе в центральном зале открылась в полу трещина, откуда идет голубой свет. К сожалению, мы не смогли осмотреть зал хорошенько так как опять начало стучать. И наш бригадир гер Бьорн Хагнирсон Тролльфьорден просил передать, что в таких условиях работать невозможно и противоречит контракту.

- Без магии тут не обошлось, - подытожила пани Анешка, - и как я вижу, нога эта не откушена и не отрублена, а именно что оторвана. Если бы был настоящий взрыв, то были бы следы пороха. А этого нет. Точно магия, я вам говорю!

- Я все хочу спросить за двери, - не унимался Захария, - а большая входная дверь была закрыта?

- И она была закрыта, мы всегда закрываем, когда заканчиваем работу.

- Так значит все, что в пещере было, то там и осталось!

Эта простая мысль, высказанная полуросликом, вселила надежду в сердца присутствующих.

- Паньство, у нас есть шанс! – сказал пан Марек.

- Так-то оно так, - уныло отозвался префект, - да кому идти-то? Пан Яромир со своими молодцами ловит вахлаков по всей дороге, дварфы в шахту врядли согласятся спуститься...

- Я соглашаюсь спуститься, - неожиданно для всех ответила Ингрид, - это мое личное решение, не относящееся к делам бригады. Я воин из рода Хемнэс, мы никогда не боялись чародейства, а уж тем более каких-то кобольдов – я побеждала их не раз и не два в родных горах. И я не хочу оставлять своих земляков без работы и денег среди сезона.

- Ну, тогда и нам не гоже оставаться в стороне, - сказал пан Марек, - тем более речь о спасении пива, а стало быть всех нас. Пани Анешка, а вы что думаете?

- Я думаю, что надо разобраться. Я сама чародейка и подобного у себя под боком не потерплю.

- Паньство, с вашего позволения, я бы хотел присоединиться, - Захария уже успел расстаться с тряпкой и собирался воссоединиться с одноручным мечем, луком и прочими атрибутами своей прошлой жизни.

- Всячески одобряю, - префект осушил кружку и поставил её на стол, - деревенская оружейная к вашим услугам, выдам что надо из того что осталось. Под расписку.

Примерно через полтора часа участники операции по спасению добра встретились в лагере рудокопов. Пан Марек облачился в кольчугу поверх мантии и взял из оружейной щит и булаву, пани Анешка была со своим с арбалетом, Захария был как в старые времена. Так же у него были с собой две бутылки травяной настойки под название «Бечеровка», её приготавливал дядя Соломон для особых случаев. А сейчас был именно такой Захария собрался «навести дипломатию» с дварфами.

- Гер Бьорн, - обратился Захария к главному рудокопу Бьорну Хагнирсону, - я имею до вас пару слов.

- Внимательно слушаю тебя, - ответил Бьорн указывая на табуретку подле широкого дубового стола под навесом. Сам Бьорн уселся на стул с высокой спинкой. Вопреки рассказам, дварфы очень любили находится на открытом воздухе и предпочли бы жить в бревенчатых домах, а не в подземных чертогах.

- Ну так вот для начала, - и на столе как из ниоткуда появилась заветная настойка.

- Мне нравится такой подход! – дварф огладил темно-русую с проседью бороду, заплетенную в три косицы, - Так что ты хотел узнать?

- Не замечали ли вы что-нибудь подозрительное до того, как все это началось?

- Замечали. Такое ощущение, что с нами в пещере еще кто-то был. Часто инструмент оказывался как бы сдвинут. А потом началась вся эта ерунда. Я предполагал, что это проделки кобольдов, но они как правило инструмент просто воруют, хотя такое тоже было. И то, что мы сегодня увидели тому подтверждение. Кстати, Ингрид, а зачем ты возвращалась в пещеру?

- Когда возвращалась, гер Бьорн?

- Примерно через полчаса после того, как ты ушла. Мы решили, что ты хочешь что-то уточнить, замок-то мы сняли, так что пройти в пещеру можно было запросто.

Глаза Ингрид раскрылись максимально широко:

- Я никуда не заходила, я была с этими господами, Один мне свидетель!

- Да, так оно и было, гер Бьорн!

- А как я выглядела?

- Да мы толком не рассматривали, видели со спины, вон Тисдаг тебя окликнула, но ты уже вошла.

- Хм. А обратно я не выходила?

- Сейчас спрошу. Ребята говорят, что не видели.

- Хотелось бы узнать, кто это там шляется, - Ингрид взвесила в правой руке боевой молот. В левой у неё был щит, а за спиной – легкий арбалет. Ибо как подобает настоящей дварфийской воительнице Ингрид хорошо стреляла.

Пещера встретила прохладой и сухостью. Как же хорошо приготавлился под этими сводами будвайзер до сих пор! Сердце пана Марека сжалось от этих мыслей. А еще сильнее оно сжалось от вида разломанной двери хранилища.

- О, да это какие-то шлемазлы работали! – воскликнул с видом знатока Захария, - они таки не смогли вскрыть замок и разломали дверь! Как говорил пан легат Аврелий, надо танцевать от места преступления!

Пани Анешка зажгла магическое пламя и в его свете принялась разглядывать следы.

- Точно кобольды. Вот неудачники, они еще и бочку повредили!

Тут и пан Марек опустил на колени и не только увидел, но и унюхал разлитый будвайзер:

- Так оно и есть, зато мы можем выследить их по пивному следу.

Пивной след доходил до развилки основной штольни со штреком, ведущим в так называемый «зал 2» и шел дальше. Но выяснить куда же именно он ведет прямо сейчас не удалось – со стороны «зала 2» раздалось хлопанье крыльев. В голубоватом свете магического пламени под высокими пещерными сводами появилась группа существ, которую Ингрид и пани Анешка определили как крылатых кобольдов. Причем если пани Анешка отнеслась к таким тварям как к должному, то у Ингрид дрогнули руки, и крюк от арбалета упал на пол пещеры. Еще бы, ведь в дварфийских мифах такое появляется перед самым Концом. А встретить Рагнарек, да еще и на чужбине Ингрид не хотелось.

Заметя непрошенных гостей, кобольды принялись что-то орать на своем языке (пани Анешка явно слышала «за господина!» и «убьем их!»), особо громко верещал самый крупный и светлоокрашенный. Если у остальных были пращи, то у этого была плевательная трубка с дротиками.

- А они вообще летающие бывают? – Захария выцеливал командира.

- Да как видишь, - отвечала пани Анешка, - отступите, сейчас жарко будет!

Раз! Стрела Захарии попала в цель, кобольд хоть и не издох, но трубку выронил. Два! Из рук пани Анешки взметнулось пламя и кобольдский главарь был сражен, а еще двое составили ему компанию.

- Ох, пани Анешка! – воскликнул пан Марек.

- Да так могу, но раз в день! Стреляйте же!

Пан Марек вскинул арбалет, но тут же получил в щеку из пращи. И стрелять пришлось уже выплюнув парочку зубов. Так же отхватили свое Ингрид и Захария. Почему-то именно они привлекали наибольшее внимание кобольдов, а вовсе не пани Анешка, во всю использовавшая свою так называемую «малую огненную магию».

Последний кобольд шмякнулся на пол, отхватив арбалетный болт в туловище. Пан Марек вытер пот со лба – теперь пещера казалась ему жаркой:

- Так, надо бы нам подлечиться.

И призвав целительные силы Бахуса, подкрепленные парой глотков будвайзера из личного жреческого бурдюка пан Марек приступил к исполнению своих прямых обязанностей.

- Ну что, продолжим путь? – поинтересовался Захария.

- Надо бы хоть пиво спасти. А то след высохнет, а бегать по всей пещере мне не улыбается, - вздохнул пан Марек.

- Ну, тогда, паньство, я в вашего позволения тихонечко вперед пойду- и Захария отправился по следу в так называемый «тупик 3», особо не любимый рудокопами – там частенько стучало и пропадал инструмент. Но именно туда вела заветная пивная дорожка.

Медленно и осторожно шел Захария, магический свет лишь чуть освещал дорогу. И вот во мраке появились очертания пивных бочек, а за ними нечто волшебное и манящее поблескивало. Жадность не долго боролась с осторожностью, ибо Захария услышал потрескивание и почувствовал запах, вот такой, как бывает после грозы. И внимательно посмотрел на пол:

- Стойте, тут ловушка!

На полу аккуратным рядом были выложены серые камни с темно-синими прожилками.

- О, камень Тора, гром-камень! – изумилась Ингрид, - откуда это здесь?

- А что это вообще такое? – спросил пан Марек.

- А это, паньство, одновременно и ловушка, и оповещение. Если наступишь на такой камушек, то схлопочешь как от молнии, да еще и гром будет.

- Какой урод это тут расставил...

- Видимо, зарился на наше пиво. Захария, ты парень проворный, сложи-ка это осторожно в сторонку.

- Не стоит рисковать, - остановила полурослика пани Анешка и пустила в дело «малую вспомогательную магию» имевшую вид полупрозрачной женской руки, ловко собравшей опасные камни в дальний угол.

- Ого, а это-то что такое? – пан Марек уставился на гору серебра, лежащую прямо за возжеленными бочками.

- Клянусь Тором и Одином, этого тут не было!

А гряда серебра тем временем начала шевелиться, оказавшись шеей дракона. А вот появилась и голова. Физиономия, если так можно сказать, имела вид недовольный и заспанный. Однако, узрев Анешку, дракон взбодрился и заговорил:

- Приветствую тебя, достойный потомок моего побратима!

Остальные же услышали лишь рык и урчание, но были скорей изумлены, чем напуганы.

- Пани Анешка, - спросил шепотом Захария, - а как принято обращаться к дракону?

- Пан дракон! – быстро ответила пани Анешка, а продолжила уже на драконьем языке, - Приветствуем вас, многоуважаемый пан Дулантхейтис!

- Ну, привет еще раз, - миролюбиво отозвался дракон.

«Да он не злой!» - удивилась про себя Ингрид и опустила молот. И всем остальным тоже стало неловко стоять с поднятым оружием перед паном драконом...

- Меня разбудили, - продолжал дракон, - а я с удовольствием еще бы поспал. Подзакусив перед сном. Будьте любезны, устройте мне барашка или свинку, а лучше двух. В качестве платы можете взять мою чешую, вон в той трещине я линял лет двести назад.

- Э-эээ, пан дракон, - пан Марек с изумлением выслушал перевод драконьей речи, - а вот бочки-то можно обратно забрать?

- Да, уносите, эти идиоты-кобольды (надеюсь они вас не потревожили) решили, что я хочу выпить. А если я выпью, то тут камня на камне не останется.

Еще раз оглядев своими черными глазами пришельцев, дракон продолжил:

- Я гляжу, вы ребята неплохие, так что можете задать мне два вопроса, на которые я обязуюсь ответить максимально точно и честно. Причем переводить мне не надо, я и так понимаю.

Хуже ничего не придумаешь как применять мудрость и логику в столь стесненных обстоятельствах! Но дракону не пришлось ждать долго.

- Пан дракон, - начал пан Марек, - а кто тут ходит, ну, помимо нас, рудокопов и кобольдов?

- Этот вопрос так же ответит и на вопрос кто меня разбудил. По моим прикидкам, дня три назад стал тут шляться какой-то недомерок. Причем под невидимостью. Устраивал всякие иллюзии и фокусы в гномском стиле. И в какой-то момент у него хватило ума жахнуть «Разрушаем» в большом зале вон в той стороне, - дракон показал направление взглядом, - потом заявиться сюда и разложить какую-то дрянь, от которой пахнет паленой шерстью. Кажется, вы её убрали, благодарю за это. Почему все это происходит – я не знаю, но думаю, что это обыкновенное вредительство.

- Пан Тит!!! – одновременно вскрикнули жители вольной имперской деревни Вестонице. Конечно же, зловерный сосед подослал диверсанта.

- Не орите, тут и так все на соплях держится после таких дел. Давайте второй вопрос.

Второй вопрос задавала Ингрид:

- Как я знаю, в том зале на полу возникла трещина и из нее идет голубоватый свет. Что с этим делать?

- Вот это вот очень плохо. Это выход в Подземье. Как можно скорее завалите его камнями побольше, да залейте сверху этим, как его... а, цементом. И там больше копать не надо, там ничего нет. А есть ближе к поверхности, если там не завалило. Если завалило, аккуратно разберите. Не буду рассказывать откуда там серебро взялось. И про меня особо трепаться не надо. Понятное дело, что вся деревня будет знать, но вот остальным не обязательно. А теперь двигайтесь по делу, а то у меня в животе урчать начало, а это никому из нас не нужно. За бочками я присмотрю. А когда будете их забирать, я прикинусь, что меня здесь нет.

Все четверо пришельцев поклонились дракону в пояс и отправились обратно, так же наведавшись и в то место, где ждала своего часа драконья чешуя.

- Ох ты ж, какие вещи! – Захария крутил в руке чешуйку, - я-то думал, что они как монеты, а они вон какие тонкие, чуть ли не просвечиваются.

- Так их не ювелирам надо сбывать, а кутненской коллегии алхимиков, - отвечал пан Марек, - Там с руками оторвут. Доспехи и оружие покрывать в самый раз. Потом продавать по удешевленной цене, ибо магическое.

- Тсс, - Ингрид прижала палец к губам.

Опять под сводами раздался звук хлопающих крыльев. Вернее, даже не хлопанье, а мельтешение – вот что это было. Навстречу зигзагами вылетели две летучие мыши, с ворону размером, острозубые и красноглазые.

Но их уже ждали добрые арбалетные болты и малая огненная магия. Одна из мышей, получив свое, закружилась в штопоре и с мерзким звуком шмякнулась вниз. Вторая же, преодолевая раны, метнулась напрямик к пану Мареку, да вцепилась тому в шею, не защищенную кольчугой. И тут пан Марек почувствовал, как покидают его жизненные силы, а все остальные вспомнили рассказы кочевых трансильванских полуросликов о пане Дракуле и его образе жизни.

- Захария! – крикнула Ингрид, - давай её мечем или кинжалом, а то если я размахнусь – обоим крышка будет!

Полурослик не заставил себя простить дважды и в прыжке пырнул мышь кинжалом в бок. Ей этого хватило чтоб упасть рядом со своей товаркой. Пан Марек, ни жив, ни мертв, весь в своей и мышиной крови как куль повалился вдоль стенки пещеры. Пани Анешка немедленно вынула белоснежный носовой платок, смочила водой и принялась отирать боевого товарища.

- Мои силы на исходе, - прошептал пан Марек, - надо хоть немного отдохнуть, - Ингрид, будь любезна, отцепи от меня бурдюк, выпьем все по глоточку.

До самого выхода никаких происшествий не произошло.

На выходе же обнаружилась закрытая дверь, в которую пришлось стучать условным образом. Дварфы смекнули насчет лазутчика и выпускать его не хотели. На этот счет у пещеры было посыпано мелким песочком. Глянув на песочек, Захария просек, что надо делать.

- Дядя Сол! – кричал Захария ворвавшись в корчму, - мне надо...

- Опять настойку?! Это ж разорение мне, бедному полурослику...

- Не-не-не, давай муку. Самую плохую, хлеб из нее печь никто не собирается. А я пойду найду сеть, которой щук ловил. Теперь другую рыбу ловить буду!

Тем временем, порассуждав о близости Рагнарека и возможностях его предотвращения дварфы лечили пана Марека, Ингрид и пани Анешку с помощью живительной магии ванов и своих запасов пива. Служительница Фреи - Тисдаг Арнансдоттир Трольфьорден, выдала Ингрид целебное зелье:

- А то вы изрядно устанете бегать туда-обратно когда опять припечет.

Как можно догадаться, Тисдаг использовала более сильные выражения, и они ситуации соответствовали.

Восстановив свои магические силы пани Анешка зашла к местному служителю Сильвана и прочих духов природы пану Любомиру Новачеку и поговорила с ним насчет свинок. Пан Любомир оценил ситуацию, и велел ученику Славке зарезать двух кабанчиков, отнести туши к дварфам и там ждать дальнейших указаний.

Итак, начался второй поход в вестоницкий рудник. На этот раз на кону было серебро.

До хранилища как и в прошлый раз добрались без приключений. Будучи полон сил, пан Марек призвал созидательные силы Бахуса (подкрепившись из бурдюка) и починил разломанную дверь:

- Возможно, нам придется здесь отдыхать, а то и правда дварфы смеяться будут, что мы туда-сюда бегаем.

Так же благополучно миновали развилку, а за одно и выяснили, что «зал 2» изрядно засыпан породой. Преграда возникла уже на подходе к «залу 4» - тому самому злополучному месту, где разверзлась трещина в Подземье. И выглядела она как лужа серой зловонной слизи шириной с весь проход.

- Мда, обойти никак, - оценил ситуацию пан Марек.

- А может с ней поговорить?

- Ты, Захария, еще б с камнями начал разговаривать, - пани Анешка рассматривала преграду и принюхивалась, - плесенью ведь пахнет! Поди из Подземья и выползло, там такого много...

Ингрид подошла поближе и тут же получила плевков, прожегший сапоги:

- Ах вот ты как! Получай тогда! – арбалетный болт полетел в самый центр аберрации.

К сожалению, огонь на эту тварь действовал плохо. Опять пришлось стрелять из арбалетов, а Захарии из лука и прощаться со стрелами и болтами, растворяющимися в зловонной жиже. Но расстаться с оружием всяко было еще хуже. И вот схлопотав очередной болт, слизь издала особо мерзкий бульк и превратилась в ошметки черной трухи, на вид противной, но по факту безвредной.

- А вот теперь время отдохнуть и починиться, - заметил пан Марек, готовый призвать на помощь как целительные, так и созидательные силы Бахуса.

Итак, путь в пресловутый «зал 4» уже ничто не преграждало. Но этому месту было, чем удивить наших героев.

К голубоватому свету, источаемому трещиной в полу добавился еще и бледный фиолетовый свет от грибов: один, ростом примерно с Захарию вырос недалеко от входа, а два других, поменьше, росли у трещины. И в этом зловещем освещении темные сгорбленные фигуры пересыпали серебро из больших мешков в мешки поменьше, несомненно для того, чтобы утащить к себе в Подземье.

- О, это гримлоки, - шепнула пани Анешка, - проклятые из-за своей жадности шахтеры. Хотели докопаться до большего богатства, а докопались до Подземья и попали в рабство к тамошним господам.

- Они достойны смерти за свои грехи! – воскликнула Ингрид, поднимая щит.

Этого было достаточно, для того чтобы жители Подземья бросили свои дела, схватились за дубины и ринулись в бой.

- Хвала богам, эти хоть не летают, - вздохнул пан Марек, человек исключительно миролюбивый, но второй день стреляющий из арбалета и несущий смерть врагам.

Гримлоки как это почувствовали и навалились на пана Марек втроем. Ингрид, заслонившей пани Анешку досталось двое, еще двое подбирались, водя туда-сюда своими слепыми головами.

- Значит так, - сказала пани Анешка, - вы пока не торопитесь атаковать. После того, как они ударят, я выйду вот сюда и постараюсь зацепить шестерых, ну как вчера с кобольдами. Вон тот не попадает, Ингрид, держи его.

Захария залез на скальный выступ позади своих товарищей и пустил стрелу в одного из дальних. И стрела попала куда надо.

Белесые, но вымазанные в черной грязи, слепые, но хорошо чующие живую плоть – вот какие были grimloki, бывшие люди, поплатившиеся за свою жадность. Удары их шипастых костяных дубинок пришли в щиты пана Марека и Ингрид. Пан Марек еще и в бок получил, что было весьма противно – дубины свои grimloki не чистили никогда.

И вот пани Анешка вышла из своего укрытия, и призывая силы огня и испуская снопы пламени из своих рук. Корчась grimloki пали на пол пещеры, а гриб толи от жары толи от магии начал разбухать и лопнул с глухим звуком. Светящиеся фиолетовые споры разлетелись вокруг саженой на пять.

Защищая Анешку, Ингрид открыла правый бок, куда ей и ударил дубиной оставшийся grimlok. И уже стало казаться что его гнилозубая с заросшими глазницами рожа – это последнее что доведется увидеть гордой дочери фьордов, как булькнул, напомнив о себе флакон с зельем. Выпив его залпом, Ингрид помимо оздоровления почувствовала то, что её сородичи называют термином «священная ярость». Отринув щит и испустив грозный клич: «За Тора!» северная воительница двумя взмахами молота превратила grimloka в кровавое месиво.

Только-только болт из арбалета пана Марека покончил с последним grimloком, как из бокового прохода, который дварфы обозначали как «тупик 5» раздалось громкое «Апчихи!». Видимо, туда как раз долетели грибные споры.

- Ага - воскликнул Захария, - вот ты где, паршивец!

И в тупик тут же полетела прямой наводкой мука третьего сорта, а следом за ней и та сеть, которой в более мирные времена Захария ловил шуку на берегах Одры. В сети барахтался кто-то мелкий и тщедушный. Пани Анешка обновила и приблизила магический источник света. А пан Марек пригляделся и понял, кто это перед ним:

- А, пан Мармадюк Воганька! Гляжу, оставили свою службу в коллегии магов?

- Мало платят! – отозвался пойманный гном, в прошлом, как выяснилось почтенный (или уже не очень) член мажеской коллегии Кутны Антики.

- Зато пан Тит расщедрился, так?

- Ай, только не бейте меня, - заверещал Мармадюк Воганька, - я все расскажу!

- И пану имперскому трибуну повторишь!

После этого диверсант-неудачник получил кляп в рот и руки, связанные за спиной. «Магическая предосторожность!» - как объяснила пани Анешка. А на поверхности каждый из дварфов рудокопов нашелся, что ему сказать (больше всего сказала Тисдаг, но её слова здесь повторятся не будут), а некоторые даже еще и плюнули.

Следующие два дня до приезда имперского обоза Мармадюк Воганька провел в подвале префектуры на хлебе и воде в компании вахлаков, изловленных на Виа Аргентике местной милицией. Этот факт поспособствовал скорому раскаянию и словоохотливости гнома. Дварфы же тем временем под руководством пана Марека вернули на место пиво и серебро. Попутно они слагали сагу об Ингрид Тормунсдоттир из славного рода Хемнэс, что убивала кобольдов и grimlokov направо и налево во имя Тора и даже не побоялась завести разговор с драконом. Захария пришел в корчму с сильно оттопыривающими карманами, часть содержимого которых незамедлительно перетекла к дяде Солу. В обратную сторону отправилась фляжка «Бечеровки», пара бутылей мадьярского белого, огромная миска кнедликов, форшмак из отличнейшей норской селедки и прекрасная фаршированная шука. И за столом, уставленном этими яствами, Захария рассказывал селянам и проезжающим о своих подвигах, разумеется скрывая одно, зато придумывая другое. Пани Анешка, отдышавшись и

отмывшись, заточила перо и замысловатым чародейским почерком на самом витиеватом драконике записала эту историю в свою семейную летопись.

...А ученик друида Славик опаливал щетину со свиных туш неподалеку от пещеры. Ведь не давать же пану дракону есть волосатое.

И буквально на следующий день прибыл имперский обоз. Встретили как надо: у надраенной до солнечного блеска статуи Гения императора поставили тент, под тентом стол, накрытый зеленым сукном и высокие стулья, рядом стол поменьше, накрытый крахмальной скатертью – с закусками и пивом. Пан имперский трибун Авл Антоний Лепид оценил условия, в которых ему предстояло вершить правосудие более чем положительно. Горе-разбойников приговорили к исправительным работам в кутненском коллекторе. Разговорчивого Мармадюка Воганьку приговорили к приличному денежному штрафу и временному отзыву мажеской лицензии. Теперь за колдовство ему грозило тюремное заключение. Но в случае безупречного поведения через год лицензию можно было бы вернуть. Упоминание пана Тита в связи с этим делом омрачило величавое чело трибуна, т.к дела следствия записывал по долгу службы юстиций Юний Клавдий Варрон, племянничек прошлого трибуна, тоже не последний человек в Кутне Антике. Так что пану трибуну пришлось хорошенько подумать, насколько интересы бывшего однокашника превышают его собственные. После обеда (меню я приводить не буду, иначе эта история может никогда не закончиться) пан трибун рассудил, что законность сделки у него никаких возражений не вызывает. А на следующий день, уже после приема налогового платежа, подкрепил свои слова печатью с имперским орлом. И вся деревня вздохнула с облегчением.

Так и закончилась эта история из жизни вольной императорской деревни Вестонице, что на Виа Аргентика в провинции Богемия. Случались тут еще и другие истории, но их я расскажу в следующий раз.